

THE RUSSIAN EMPIRE FROM DAWN TO DUSK

There was no bread. There was no iron.
 There was hunger, death, lies,
 horror and terror – it was the year nineteen.

Boris Pilnyak. The Naked Year. 1920

Three hundred years ago, with the adoption of the imperial title by Tsar Peter I, Russia was officially declared an empire. Four years short of its bicentennial anniversary, this empire ceased to exist, plunging into the chaos of civil war. The centenary of this conflict has, for several years now, served as an impulse for reviving academic discussions about the causes of the catastrophe in Russia, as well as about the nature, course, chronology, and various aspects of “life in the catastrophe” (to use Igor Narsky’s vivid definition [Нарский]). The life of the subsequent empire proved to be yet briefer, collapsing 30 years ago. In this fascinating magic of numbers, one can hear Ecclesiastes’ refrain about the vanity and futility of life; however, it does not deliver us from the search for answers to questions of why and how empires are born and die, are reborn and perish again.

Abandoning the usual chronology, we begin the main section of the journal, *Problema voluminis*, with the events that ended the history of the empire. In 1919, the former Russian Empire entered the ‘Naked Year,’ a paroxysm of the civil war that erupted after the 1917 revolutions. For a long time, this war was considered a fight for power between the ‘Reds’ and the ‘Whites.’ This description is now challenged by interpretations using a far more diverse colour chart: historians currently use shades of red and white, not forgetting the ‘green’ of the rebel peasants and the colours of the different national movements that emerged. Today, these times of trouble are understood as much as an infinite fragmentation of the space between concurring powers and authorities as a fight for power. The decay and the subsequent disappearance of the imperial state made way for the emergence of multiple institutions (not only states) created on the basis of limited territories, political, social, or ethnic groups.

This complexity challenges historians to use new tools and concepts. Big concepts need to be deconstructed for better comprehension. Should we speak about *the* civil war or civil wars (as J. Smele does [Smele])? What was this ‘war’? Was it the sum of several conflicts? What were the groups usually referred to as ‘Reds,’ ‘Whites,’ ‘Anarchists,’ ‘Nationalists,’ ‘Democrats’? How can we define these actors? What were their practices?

Furthermore, we need to work at different levels of analysis. A vertical approach encourages us to think about the role of leaders and rulers

without neglecting simple soldiers and activists. Geographical variations are also crucial, as the vastness of the post-imperial space and the historical and sociological specificities of each territory presume multiple situations, each of which merits study and comparison in order to avoid the unified narrative that participants tried to put forward, especially after the events.

The question of violence – sparked by revolution and counter-revolution – was at the centre of scholarly attention after the ‘end of communism’, as most studies focused on institutional coercion. It is now understood in a more plural way (including rapes, pogroms...) and placed in a broader post-World War I context. This approach allows us to compare the situation in the former tsarist empire with other countries so as to investigate interactions and interference between countries and to point out similarities and specificities.

Different chronological frameworks are also useful for understanding the civil war in depth. Analysis might be centred on single events or include a larger period. The conflict can be traced in its enduring representations in images, sounds, objects, individual behaviours, and social relationships. It was a ‘formative experience’ (Sheila Fitzpatrick) not only for the Soviet regime and its actors, but also for society, one which for a long time gave shape to interactions and practices. These years of deprivation, arbitrariness, and violence caused traumas that individuals, families, social groups, and institutions had to overcome either by producing various narratives or sometimes by trying to forget the tragic events.

It is this very diversity of approaches that an international conference¹ held in Paris in December 2019 aimed at studying. The above special section devoted to the civil war brings together some of the works written by participants in the conference and some new research. These eleven papers, by Russian, French, British and Swiss researchers, aim to take part in this historiographical renewal. They show convincingly how different levels of analysis (time, space, individuals, institutions, and communities) may be fruitfully combined.

They may be grouped into three parts. In the first, two articles, written by *Aleksandr Shubin* (Moscow, Russia) and *Alexey Antoshin* (Yekaterinburg, Russia), try to loosen the grip of the interpretation of the civil war as a conflict between Red and White. The doomed attempts to promote a democratic alternative are studied in two different ways. Shubin proposes a stimulating analysis of the Komuch. Antoshin opts for a grassroots study of the press in different Ural urban centres not under Bolshevik rule. He shows decisively how difficult it was to express heterodox views in this context, but the existence of this pluralism and its role are nevertheless a central contribution of his paper.

A critical part of the second group of papers is devoted to the definition of identities. At a micro-level, the individual had to react to the conflict depending on his/her social determinants (class, gender, nationality).

¹ We would like to thank the participants to the conference for the very fruitful exchanges and the different institutions that made this project possible : the program “Writing a New History of Europe” – Laboratory of Excellence EHNE, the Swiss Embassy in Moscow and personally his Excellency Ambassador Yves Rossier, the Global Studies Institute – University of Geneva, the ISP Research Team – University of Nanterre, The SIRICE Research Team.

The understanding of personal trajectories, how people got involved in the conflict or refused to take part, how they tried to adapt themselves and to survive, is crucial. The civil war represented a turning point in the life of many individuals and could even create opportunities for social promotion.

Yulia Galkina (Yekaterinburg, Russia) publishes for the first time a letter kept in the French military archives. It allows us to become acquainted with the quite extraordinary life of L. Jeannot, a so-called French 'consul' in Samara. Having lived in Russia for fifteen years, the Frenchman assumed a rather undefined role during the civil war, never fully officially recognised by the French authorities but always present. Dealing with huge amounts of money, spending time with major personalities, and threatened with court martial, he tried to adapt and take advantage of the new situation. This kind of *aventurier* is also part of the life of countries at war.

Francis King (Norwich, UK) highlights how Georgian Mensheviks, once Marxist militants, turned themselves into heralds of democracy and national independence. He focuses on the fate of Valiko Jugeli, who set up a workers' militia, the Red Guard, in 1917. Leading the fight against the Bolsheviks and other alien forces, the People's Guard became a national symbol, even though its real role and values were far from the myth.

The study of the Ukrainian People's Gromada by *Anton Chemakin* (St Petersburg, Russia) also challenges the notion of national identity. As an organisation of Ukrainian conservatives, it was thought of as instrumental in Skoropadsky's regime and its attempt at right-wing Ukrainian state-building. Still, its role has been exaggerated considerably. Furthermore, the Gromada members had pre-modern views, seeing themselves more as little Russians than as Ukrainians.

Éric Aunoble (Geneva, Switzerland) aims to study the reaction of Ukrainian communists in 1919 after Denikin took control over the country. Some 800 activists were sent behind enemy lines from July to November 1919. In the underground, they had to switch from political militancy to espionage and insurgency. Under the constant threat of repression, they adapted not only their practices, but also their ideological views.

The study of the legal profession in Siberia by *Evgeny Krestyannikov* (Tyumen, Russia) is particularly revealing. People were confronted with professional dilemmas as power changed hands numerous times: should you collaborate with the new authorities? Were you ready to risk your career? But these choices were once more questioned in terms of loyalty when the authorities changed. Did judge Aleksandr Levberg become a traitor when he agreed to work for the Bolshevik courts? Krestyannikov's paper reveals the multiple strategies developed by actors in order to justify their choices. It raises the question of the reliability of individuals that was so important for the Bolsheviks after their victory [Fitzpatrick, 2002; Fitzpatrick, 2005].

The last part of the section deals with the trauma of the war and its materiality. Surviving the war was the aim of most people caught in this turmoil. Besides violence, hunger and diseases were the main threats. Two papers describe the efforts to deal with the consequences of the war. *Jean-François*

Fayet (Fribourg, Switzerland) focuses on the civil war as a laboratory for the practices and laws of modern humanitarianism. The rise of the Bolsheviks to power led to the break-up of the Russian Red Cross Society (RRCS) into a multitude of national and political associations. In view of their experience and infrastructure, the so-called Moscow, Omsk, and Kiev RC organisations quickly became decisive players in the civil war. In many fields, these RC organisations acted as a substitute for the state. In addition to the tasks common to all RCs, the paper highlights the specific features of each front.

Mikhail Khodyakov (St Petersburg, Russia) proposes a very precise and inspiring study of food provisioning in Petrograd. He shows how the differentiation between groups of people with access to the food was organised. Here again, the civil war proved to be the crucible of Bolshevik Russia. The hierarchy of consumption found its roots, or at least an echo, during the first months of Bolshevik rule.

Death was omnipresent in this bloody conflict. Two articles offer an insight into this question, focusing their attention on the materiality of dead bodies. *Anastasia Papushina* (Budapest, Hungary; Vienna, Austria) works on the funeral industry. She shows how the Soviet authorities had the ambition to offer the same services to all people, irrespective of their social status. In the dire conditions of the civil war, however, the reform led to major disruptions. Papushina questions the space for privacy during times of mass deaths. *François-Xavier Nérard* (Paris, France), on the other hand, works on the public uses of dead bodies. He describes a ‘politics of corpses’ by showing how the bodies of fallen soldiers were used to mark public space, tenuously controlled by Bolsheviks. Public ceremonies, monuments, and even the display of mutilated comrades gave a material dimension to the creation of the new state.

Pilnyak’s words about “hunger, death, lies, horror, and terror” still resonate a century after they were written. The articles the reader will discover try to observe individuals caught in this turmoil and to study their fate, their ideas, their strategies for survival, and their deaths. They aim at being a new step in the further understanding of these appalling, yet fascinating, times.

The two articles by *Anastasia Golubtsova* and *Dina Amanzholova* (Moscow, Russia) in the *Disputatio* section are a kind of epilogue to the section on the civil war. The first article analyses Bolshevism and religion in the travelogues of Italian writers and journalists visiting Soviet Russia in the 1920s and 1930s. The “accomplished apocalypse” of the war was still alive in memories and often in the surrounding reality. Biblical analogies were more than appropriate, and the new government, trying to construct a new world out of the chaos which it itself had caused, was perceived by observers from fascist Italy in a clearly religious context, despite all the ideological differences. The second article looks at the process of reformatting the administrative-territorial and political structure of the former empire, providing a “blueprint” to create a new managerial reality. The transformation of Kazakh autonomy into a union republic, the focus of the author’s attention, is shown as a complex history of the struggle of regional and ethnic elites, the contradictions of the centre and the periphery, the ideology

of internationalism, and archaic survivals. The central government had to return to a search for a compromise between diversity and unity – the eternal problem of heterogeneous imperial states.

From the grand finale to the beginning: the second block of the *Problema voluminis* section discusses the “dawn of the empire”, the reign of Peter the Great.² While the destruction of an empire means its fragmentation and the emergence of contradictory and often mutually hostile differences, the opposite process, the creation of an empire, is a collecting of sorts, an expansion, the art of managing diversity, constantly tempted by the possibility (or necessity?) for unification. In such terms, *Alexander Petrov* (Moscow, Russia), *Alexey Yermolaev* (Kemerovo, Russia), and *Maria Koskina* (Yaroslavl, Russia) examine the emergence of the state’s interest in the development of the Pacific coast in the first quarter of the eighteenth century, while *Denis Lyapin* (Yelets, Russia) looks at the documentation for the last household census (“landrat books”) of the 1710s. Despite all the differences in their content and methods, the two articles are united by their attention to imperial aspirations, whether in terms of the appropriation and development of geographical space (the territorial body of the empire) or the appropriation of social space. While the government’s interest in Far Eastern lands was based on the idea of maintaining imperial status in the international arena, the search for an optimal system for the population census was dictated by the desire to create more effective taxation. The latter article also demonstrates the potential of landrat books, which as sources provide first-rate material for studying social stratification in Russia.

Peter’s reforms, however, did not come from nowhere. The discontinuity and continuity of Russian state institutions under Peter with those during the pre-Petrine era is one of the key issues in modern academic literature on this topic. The articles of *Elzbieta Olzacka* (Krakow, Poland), describing the historical and cultural context of the Military Revolution in early modern Russia, and *Andrey Zakharov* (Chelyabinsk, Russia), proving the long coexistence of traditional court ranks with the new ranks introduced by the Table of Ranks (1722), try to solve important aspects of this problem. The reasons for the prestige of old ranks in Petrine Russia and the pragmatic attitude of the tsar to them are revealed in a thorough analysis of the practices of grants between 1700 and 1722. A paradoxical synthesis of the old and the new is presented in an article by *Maureen Perry* (Birmingham, England). The subject of her study is the Old Believer polemical work *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist*, dated to the beginning of the nineteenth century. The identification of the reforming tsar with the Antichrist was already widespread during Peter’s lifetime. This compilation (probably created among the Old Believer wanderers or “runners”) about the impious character of the first Russian emperor is based largely on secular anecdotes published at the end of the eighteenth century.

² This work was supported by a grant from the RSF (project 19-18-00186 “Culture of the Spirit” vs “Culture of the Mind”: intellectuals and power in Britain and Russia in the era of change (17th – 18th centuries)).

The imperial theme is continued in the *Disputatio* and *Controversiae et recensiones* sections. The search for a richer palette of interpretations that go beyond “black-white” or “white-red” antitheses is characteristic of the article by *Vladimir Shkerin* (Yekaterinburg, Russia), which relates the evolution of the views of Stepan Nechayev, once a member of the Union of Prosperity and later a high-ranking official in Russia under Nicholas I. This approach is also taken in the review by *Amiran Urushadze* and *Vyacheslav Shcherbakov* (Rostov-on-Don, Russia) on a book by the German historian P. Ammon. The authors prove the fallacy of defining imperial policy in Georgia as an occupation policy and “Russification” as a practice aimed at the eradication of national identity and culture. The series of events that Ammon defines as “Russification” instead may be viewed as a system of integrating local elites into the general imperial space, one which did not infringe on their ethno-cultural identities. *Anastasia Tumanova* and *Alexander Safonov* (Moscow, Russia) focus on professional congresses of doctors, teachers, and engineers on the eve of the First Russian Revolution. Describing the programmes and discussions at the congresses, the authors demonstrate how in a very short time the professional and civil positions of the participants of such congresses were filled with political overtones, awareness of the impossibility of effective professional activity without serious changes in domestic policy. The representatives of the Russian intelligentsia, who initially did not share radical sentiments, later became sincerely concerned about the participation of civil forces in political decision-making, overcoming bureaucratic inertia and archaic class restrictions. Such public tension, caused, among other things, by the inability of the ruling elite to engage in dialogue with civil institutions, was one of the harbingers of the end of the empire.

The *Scientia et vita* section of this issue offers a special place to an essay by *Gyula Szvák* (Budapest, Hungary). The essay is based on the story of the detrimental discussion of the PhD thesis of Sándor Szili, a Hungarian graduate student of R. G. Skrynnikov at the department of Russian history at St Petersburg State University in the summer of 1992. Interpreted in the context of the dramatic global changes associated with the collapse of the Soviet Union and the socialist bloc, this quite ordinary event (within the framework of a large historiography, not for the author of the dissertation) proves very instructive, since it gives food for thought both about the fate of historical scholarship and about the tragedy of the destruction of a large state, which led to civil confrontation.

François-Xavier Nérard
Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne,
Paris, France

Dmitry Redin
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Éric Aunoble
University of Geneva,
Geneva, Switzerland

Jean-François Fayet
University of Fribourg,
Fribourg, Switzerland

Не было хлеба. Не было железа.
Были голод, смерть, ложь, жуть, ужас –
шел девятнадцатый год.

Борис Пильняк. Голый год. 1920

300 лет назад, с принятием Петром I императорского титула, Россия официально была провозглашена империей. Не дожив четыре года до своего двухсотлетнего юбилея, империя прекратила существование, погрузившись в хаос Гражданской войны, столетие которой вот уже несколько лет служит импульсом к оживлению научных дискуссий как о причинах государственной катастрофы в России, так и о характере, ходе, хронологии и различных аспектах «жизни в катастрофе» (пользуясь ярким определением Игоря Нарского [Нарский]). Более краткой оказалась жизнь последующей империи, распавшейся 30 лет назад. В завораживающей магии цифр звучит рефрен Экклезиаста о суетности и тщете коловращения жизни, но это не избавляет от поиска ответов на вопросы, почему и как рождаются и умирают, и снова рождаются и умирают империи. Отказываясь от привычного следования хронологии, мы начинаем основную рубрику *Problema voluminis* с событий, завершающих историю империи.

В 1919 г. в бывшей Российской империи начался «Голый год» – пароксизм Гражданской войны, разразившейся после революций 1917 г. Долгое время эта война считалась борьбой за власть между красными и белыми. Такая интерпретация теперь оспаривается – современные историки используют более разнообразную цветовую схему, говоря об оттенках красного и белого, не забывая о «зеленом» мятежных крестьян и различных цветах многочисленных национальных движений, возникших в этот период. Сегодня эти смутные времена понимаются как борьба за власть, как бесконечное дробление пространства между противостоящими силами и авторитетами. Распад и последующее исчезновение империи привели к учреждению многочисленных институтов (государств, но не только их), создающихся на основе ограниченных территорий, а также политических, социальных или этнических групп.

Выявленная сложность заставляет историков пользоваться новыми инструментами исследования и концепциями. Большие концепты часто необходимо деконструировать для лучшего понимания и изучения. Можем ли мы говорить об одной Гражданской войне или о гражданских войнах во множественном числе (как это делает Дж. Смеле [Smele])? Какова эта война? Является ли она суммой нескольких конфликтов? Каковы те группы, что обычно именуют красными, белыми, анархистами, националистами, демократами и т. д.? Как мы можем определить этих акторов? Каковы их действия?

Более того, нам необходимо работать на разных уровнях анализа. Вертикальный подход поощряет размышления о роли лидеров и правителей, не пренебрегая в то же время простыми солдатами

и активистами. Географические различия также имеют решающее значение, поскольку обширность постимперского пространства, историческая и социологическая специфика каждой территории предполагают множество ситуаций, каждая из которых индивидуальна и заслуживает изучения и сравнения во избежание единого нарратива, который пытались создавать участники событий, особенно после их окончания.

Вопрос о насилии, вызванном революцией и контрреволюцией, был в центре внимания ученых после «краха коммунизма», поскольку большинство исторических исследований того времени было сосредоточено на институциональном принуждении. Сейчас такое насилие понимается в контексте более широкого разнообразия его форм (включая изнасилования, погромы и др.), а также рассматривается в расширенный период после Первой мировой войны. Такой подход позволяет сравнить ситуацию в бывшей Российской империи с другими странами с целью изучения межгосударственных взаимодействий, а также выявить сходства и различия этих ситуаций.

Различные хронологические рамки также полезны для углубленного понимания Гражданской войны. Анализ может быть сосредоточен непосредственно на событиях войны или включать больший период. Конфликт можно проследить в его устойчивых репрезентациях в образах, звуках и предметах, а также в индивидуальном поведении участников и социальных отношениях между ними. Это был «формирующий опыт» (Шейла Фицпатрик) не только для советского режима и его акторов, но и для общества в целом, и он долгое время способствовал формированию взаимодействий и практик внутри советского общества. Эти годы лишений, произвола и насилия вызвали травмы, которые отдельные люди, семьи, а также социальные группы и институты должны были преодолевать, создавая различные нарративы о войне, но иногда просто забывая или пытаясь забыть трагические события.

Именно этому многообразию подходов и была посвящена международная конференция, состоявшаяся в Париже в декабре 2019 г.¹ Специальный раздел, посвященный в журнале *Quaestio Rossica* Гражданской войне, объединяет как некоторые работы участников конференции, так и новые исследования. Эти 11 статей, написанных российскими, французскими, британскими и швейцарскими исследователями, пытаются стать частью такого историографического обновления. Они убедительно показывают, как можно плодотворно

¹ Мы хотели бы поблагодарить участников конференции за очень плодотворный обмен мнениями и с благодарностью упомянуть различные институты, которые сделали возможным этот проект: программу «Написание новой истории Европы» – Лабораторию передового опыта EHNE, посольство Швейцарии в Москве и лично его преемственность посла Ива Россье, Институт глобальных исследований – Женевский университет, Исследовательскую группу ISP – Нантерский университет, Исследовательскую группу SIRICE.

объединить различные уровни анализа (время, пространство, индивидов, институты и сообщества).

Публикуемые статьи можно условно разделить на три части. Две статьи, написанные *Александром Шубиным* (Москва, Россия) и *Алексеем Антошиным* (Екатеринбург, Россия), пытаются ослабить хватку сложившейся интерпретации Гражданской войны в красно-белых тонах. Обреченные попытки продвижения демократической альтернативы некоторыми участниками конфликта изучаются двумя различными способами. Шубин предлагает интересный анализ КОМУЧа, в то время как Антошин делает выбор в пользу подробного изучения прессы в различных городских центрах Урала, не находившихся под властью большевиков. Исследователь убедительно показывает, насколько трудно было выражать в этом контексте неортодоксальные взгляды. Существование плюрализма мнений в уральской прессе и его роль, без сомнения, являются центральным вкладом его статьи.

Критическая часть второй группы работ посвящена определению индивидуальных и групповых идентичностей. На микроуровне человек должен был реагировать на конфликт в зависимости от своих социальных детерминант (класс, пол, национальность и т. д.). В таком исследовании решающее значение имеет понимание личностных траекторий участников войны, того, как люди вовлекались в конфликт или отказывались в нем участвовать, пытались адаптироваться и выжить. Для некоторых людей Гражданская война представляла собой поворотный момент в жизни и даже создавала возможности для социального продвижения.

Так, *Юлия Галкина* (Екатеринбург, Россия) впервые публикует письмо, хранящееся в Военном архиве Франции. Опубликованный материал позволяет познакомиться с совершенно неординарной, но для военного времени, возможно, совсем обычной жизнью Л. Жанно, так называемого французского «консула» в Самаре. Прожив 15 лет в России, этот француз стал довольно непредвиденным актором во время Гражданской войны, никогда полностью официально не признанным французскими властями, но всегда присутствовавшим. Имея дело с огромными суммами денег, проводя время с крупными деятелями того времени, он под угрозой военного трибунала пытался приспособиться и извлечь выгоду из новой ситуации. Подобные авантюристы – тоже часть жизни тех стран, что находятся в состоянии войны.

Фрэнсис Кинг (Норидж, Англия) исследует, как грузинские меньшевики, некогда марксистские боевики, превратились в защитников демократии и национальной независимости. В центре его внимания – судьба Валико Джугели, создавшего в 1917 г. рабочую милицию – Красную (Народную) гвардию. Возглавляя борьбу с большевиками и другими чуждыми силами, Народная гвардия стала национальным символом, хотя ее реальная роль и ценности были далеки от современного мифологизированного образа.

Исследование *Антон Чемакина* (Санкт-Петербург, Россия) также ставит под сомнение понятие национальной идентичности. Как организация украинских консерваторов Громада считалась важным инструментом режима Скоропадского в его попытке правого государственного строительства на Украине. Тем не менее, ее роль была значительно преувеличена. Интересно, что члены Громады придерживались несовременных взглядов, считая себя скорее малороссами, чем украинцами.

Эрик Онобль (Женева, Швейцария) в своей статье изучает реакцию украинских коммунистов в 1919 г. после того, как Деникин захватил власть в стране. С июля по ноябрь 1919 г. в тыл врага было отправлено около 800 активистов. В подполье им пришлось перейти от политической войны к шпионажу и мятежам. Под постоянной угрозой репрессий они адаптировали не только свою практику, но и свою идеологию.

Особенно показательным исследование *Евгения Крестьянникова* (Тюмень, Россия) о юридической профессии в Сибири. При многочисленных сменах власти люди рано или поздно сталкивались с профессиональной дилеммой: стоит ли сотрудничать с новой властью? Готовы ли они рискнуть своей карьерой? Но любой такой выбор снова подвергался сомнению с точки зрения лояльности, когда власть менялась. Стал ли предателем судья Александр Левберг, согласившись работать на большевистские суды? В статье раскрываются многочисленные стратегии, разработанные участниками тех событий для обоснования своего выбора. Автор ставит вопрос о надежности отдельных лиц, что станет так важно для большевиков после их победы [Fitzpatrick, 2002; Fitzpatrick, 2005].

Последняя часть раздела посвящена травмам войны и ее материальности. Выжить в войне было конечной целью большинства людей, оказавшихся в этих перипетиях. Помимо насилия, основной угрозой для людей в военное время стали голод и болезни.

В двух следующих работах описываются попытки преодоления последствий войны. *Жан-Франсуа Файе* (Фрибург, Швейцария) рассматривает Гражданскую войну как лабораторию для создания практик и законов современного гуманизма. Приход большевиков к власти привел к распаду Российского общества Красного Креста на множество национальных и политических объединений. Но благодаря своему опыту и инфраструктуре московские, омские и киевские организации РККА быстро стали решающими игроками в Гражданской войне на стороне Красной и белых армий. Во многих областях организации Красного Креста выступали в качестве замены государству. В дополнение к задачам, общим для всех них, в статье освещаются специфические особенности каждого фронта с точки зрения гуманитарных организаций.

Михаил Ходяков (Санкт-Петербург, Россия) предлагает исследование продовольственного обеспечения Петрограда. Он показыва-

ет, как была организована дифференциация между группами людей в доступе к продовольствию. И здесь Гражданская война вновь оказалась горнилом большевистской России. Иерархия потребления также уходит корнями или, по крайней мере, вершками в первые месяцы большевистского правления.

Смерть, конечно, была вездесущей в этом кровавом конфликте. Две следующие статьи исследуют тему смерти, акцентируя внимание на материальности мертвых тел. Работа *Анастасии Папушиной* (Будапешт, Венгрия; Вена, Австрия) сосредоточена на похоронной индустрии. Она показывает, как советская власть стремилась предлагать одинаковые услуги всем людям, независимо от их социального статуса, однако в тяжелых условиях Гражданской войны такая реформа унификации услуг привела к серьезным потрясениям. Автор исследует пространство для уединения во времена массовых смертей. *Франсуа-Ксавье Нерар* (Париж, Франция), с другой стороны, работает над смыслом и практиками публичного использования мертвых тел. Он описывает «политику трупов», показывая, как тела павших солдат использовались для обозначения публичного пространства, слабо контролировавшегося большевиками. Публичные церемонии, памятники или даже демонстрация изувеченных товарищей придавали новой власти материальное измерение.

Слова Пильняка о «голоде, смерти, лжи, жути и ужасе» отзываются и спустя столетие после написания. В статьях, которые читатель собирается открыть для себя, их авторы пытаются наблюдать за людьми, оказавшимися в этих перипетиях, и изучать их судьбы, их идеи, их стратегии выживания, их смерть. Они нацелены на то, чтобы стать новым шагом в дальнейшем понимании этих ужасных, но захватывающих времен.

Своеобразным эпилогом к разделу о Гражданской войне служат статьи *Анастасии Голубцовой* и *Дины Аманжоловой* (Москва, Россия) в рубрике *Disputatio*. В первой анализируются темы большевизма и религии, читаемые в травелогах итальянских писателей и журналистов, побывавших в Советской России в 1920–1930-х гг. «Свершившийся апокалипсис» еще жил не только в воспоминаниях – порой в окружавшей реальности, библейские аналогии были более чем уместны, а новая власть, строившая новый мир из хаоса, к которому сама была причастна, воспринималась наблюдателями из фашистской Италии (при всех личных идеологических различиях) в религиозном контексте. Во второй речь идет о процессе переформатирования административно-территориальной и политической структуры бывшей империи, «черновой работе» для создания новой управленческой реальности. Трансформация казахской автономии в союзную республику, находящаяся в центре внимания автора, являет сложную рутинную историю борьбы региональных и этнических элит, противоречий центра и периферии, идеологии интернационализма и прорывов архаики, вновь возвра-

щающую центральную власть к поиску компромисса между многообразием и унификацией – вечной проблеме гетерогенных государств имперского типа.

От финала – к началу: второй блок *Problema voluminis* отсылает читателя к «рассвету империи» – правлению Петра Великого². Если разрушение империи – это фрагментация и появление противоречивых и зачастую взаимовраждебных разностей, то созидание империи – собирание, расширение, искусство управления разнообразием, постоянно искушаемое соблазном (или необходимостью?) унификации. Этим темам посвящены статьи *Александра Петрова* (Москва, Россия), *Алексея Ермолаева* (Кемерово, Россия) и *Марии Коскиной* (Ярославль, Россия) о формировании государственного интереса к освоению Тихоокеанского побережья в первой четверти XVIII в. и *Дениса Ляпина* (Елец, Россия) об источниковедческих характеристиках документации последней подворной переписи (ландратских книгах) 1710-х гг. При всех различиях содержания и методов двух статей их объединяют упомянутые выше имперские стремления к собиранию: идет ли речь о присвоении и освоении географического пространства – территориального тела империи или об освоении пространства социального. И если интерес правительства к дальневосточным рубежам основывался на идее поддержания имперского статуса в международном аспекте, то поиски оптимальной системы учета населения диктовались стремлением к созданию наиболее эффективной системы налогообложения – одной из основ внутренней прочности. В статье показан источниковый потенциал ландратских книг, дающих первоклассный материал для изучения социальной стратификации России того времени.

Петровские реформы возникли не на пустом месте. Проблема разрыва и континуальности российских институтов при Петре с допетровской эпохой – одна из ключевых в современной научной литературе по данной теме. Решению важных аспектов этой проблемы посвящены статьи *Эльжбеты Ольжацки* (Краков, Польша), характеризующей историко-культурный контекст военной революции в России раннего Нового времени, и *Андрея Захарова* (Челябинск, Россия), доказывающего длительную традицию сосуществования традиционных придворных чинов с новыми чинами, вводимыми Табелем о рангах (1722). Причины престижа старых чинов в новой петровской России и прагматическое отношение к ним самого царя раскрываются на тщательном анализе практик пожалований 1700–1722 гг. Парадоксальный синтез старого и нового предстает в статье *Морин Перри* (Бирмингем, Англия). Предметом исследования британского историка стало старообрядческое полемическое произведе-

² Работа над рубрикой поддержана грантом РФФ (проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)).

дение «Собрание от Священного Писания на Антихриста», датируемое началом XIX в. Отождествление царя-реформатора с Антихристом было широко распространено уже при жизни Петра. Спецификой же данного компилята (созданного, вероятно, в среде старообрядцев-странников, или бегунов) является то, что доказательства о нечестивой природе первого российского императора основываются во многом на светских анекдотах из жизни Петра I, изданных к концу XVIII в.

Имперская тема находит продолжение и в материалах рубрик *Disputatio* и *Controversiae et recensiones*. Поиск более богатой палитры исследовательских интерпретаций, выходящих за рамки антитезы «черного – белого» или «белого – красного», характерен для статьи *Владимира Шкерина* (Екатеринбург, Россия), повествующей о судьбе и эволюции взглядов Степана Нечаева, некогда члена Союза благоденствия, а впоследствии высокопоставленного чиновника николаевской России. Столь же конструктивен подход в рецензии *Амираана Урушадзе* и *Вячеслава Щербакова* (Ростов-на-Дону, Россия) на книгу немецкого историка Ф. Аммона. Авторы доказывают ошибочность определения имперской политики в Грузии как оккупационной, а «русификации» – как практики, направленной на искоренение национальной самобытности и культуры. То, что Ф. Аммон характеризует как «русификацию», скорее можно рассматривать в качестве системы интеграционных механизмов местных элит в общеимперское пространство, не ущемлявшей их этнокультурных особенностей.

В фокусе внимания *Анастасии Тумановой* и *Александра Сафонова* (Москва, Россия) находится деятельность профессиональных съездов врачей, учителей и инженеров кануна Первой русской революции. Характеризуя программные установки и дискуссии съездов, авторы демонстрируют, как в очень короткие сроки профессиональные и общегражданские позиции участников съездов наполнялись политическими интонациями, осознанием невозможности эффективной профессиональной деятельности без серьезных перемен в сфере внутренней политики. Представители русской интеллигенции, изначально не проявлявшие радикальных настроений, были искренне озабочены вопросами участия гражданских сил в принятии политических решений, преодоления бюрократической косности и архаики сословных ограничений. Общественная напряженность, вызванная в том числе неспособностью правящей элиты к диалогу с гражданскими институтами, стала одним из предвестников конца империи. Круг замыкался.

Особое место в номере занимает эссе *Дюлы Свака* (Будапешт, Венгрия) в рубрике *Scientia et vita*. Его сюжетной основой послужило разгромное обсуждение кандидатской диссертации Шандора Сили, венгерского аспиранта профессора Р. Г. Скрынникова, на кафедре истории России Санкт-Петербургского университета летом 1992 г. Достаточно рядовое (не для автора диссертации) это событие, будучи

интерпретировано в контексте глобальных и драматических перемен, связанных с распадом Советского Союза и социалистического блока, дает пищу для размышлений как о судьбах исторической науки, так и о трагедии разрушения большого целого, что может вылиться в гражданское противостояние.

Франсуа-Ксавье Нерар
Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна,
Париж, Франция

Дмитрий Редин
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Эрик Онобль
Женевский университет,
Женева, Швейцария

Жан-Франсуа Файе
Фрибургский университет,
Фрибург, Швейцария

Список литературы

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.

Fitzpatrick Sh. The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // *Slavic Rev.* 2002. Vol. 61. Iss. 3. P. 535–557. DOI 10.2307/3090301.

Fitzpatrick Sh. *Tear off the masks! : Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton : Princeton Univ. Press, 2005. 352 p.

Smele J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars 1916–1926: Ten Years That Shook the World.* Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. 464 p.

References

Fitzpatrick, Sh. (2002). The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period. In *Slavic Rev.* Vol. 61. Iss. 3, pp. 535–557. DOI 10.2307/3090301.

Fitzpatrick, Sh. (2005). *Tear off the masks! : Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton, Princeton Univ. Press. 352 p.

Narskii, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe. Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Smele, J. D. (2016). *The ‘Russian’ Civil Wars 1916–1926: Ten Years That Shook the World.* Oxford, Oxford Univ. Press. 464 p.